

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет подряд я пытался одновременно работать над двумя разными книгами. Одна из них была посвящена Павлу и его богословским взглядам, вторая – Иисусу в его историческом контексте. Постепенно я осознал, что эти книги связаны между собой куда теснее, чем казалось ранее. В обеих речь шла об историческом описании событий и вероучений первого века. И в одной, и в другой книге особое внимание уделялось определенному пониманию соответствующих текстов и событий. И та и другая требовали компетентности в вопросах иудаизма первого века. Для обеих книг требовались заключительные богословские и практические выводы. Так и получилось, что я пришел к мысли о двухтомнике об Иисусе и Павле.

Однако характер материала и доводов не позволяли мне на этом остановиться. Один из важнейших вопросов, без которого невозможен поиск Иисуса, связан с исследованием евангелий; единственной главы в уже и без того объемной книге было бы явно недостаточно, чтобы рассмотреть обширную проблематику, связанную с этим вопросом. От принятия этой мысли и сделанного самому себе признания, что планируются три тома, оставалось совсем недалеко до осознания – на самом деле речь идет о пятитомнике. По одному тому – об Иисусе, Павле и евангелиях, вступительной части (настоящая работа) и части заключительной, в которых будет собрано все, что иначе необходимо было бы сказать в начале и в конце каждой из этих трех книг. В результате получился проект, прежде всего посвященный Иисусу и Павлу, но в то же время неизбежно затрагивающий тему Нового завета в целом.

Одна из причин, по которым я позволил этому материалу так разрастись – удручающая краткость многих однотомных или даже двухтомных трудов по богословию Нового Завета, написанных в этом веке. Сжать обсуждение притчей или учения об оправдании до двух или трех страниц – в конечном счете значит не принести особой пользы ни обычному читателю, ни развитию науки. Лучшее, чего можно добиться подобным методом – заронить несколько мыслей и надеяться, что найдутся читатели, которые отправятся самостоятельно исследовать их значение.

Я надеюсь достичь несколько большего и в самом деле осветить важные вопросы, а по некоторым ключевым моментам – вступить в дискуссию с противоположными точками зрения.

Крайность, противоположная краткому общему обзору, – чрезмерное дробление, так свойственное нашей отрасли: подчас люди на протяжении всей своей профессиональной деятельности специализируются в узкой сфере, не предпринимая ни одной попытки сплести отдельные нити в единое полотно более широкой гипотезы. Я считаю, что важно предпринять попытку синтеза, однако без ложного сокращения и чрезмерного упрощения. Затем я надеюсь выдвинуть целостную гипотезу происхождения христианства, в особенности по отношению к Иисусу, Павлу и евангелиям, которая обозначит новые подходы к пониманию основных движений и умозрительных понятий и предложит новые направления для дальнейшей экзегезы. Я надеюсь и сам приложить усилия в этом направлении.

Фраза «Богословие Нового Завета», ставшая темой первой главы данной книги, к настоящему времени обрела множество разнообразных смысловых оттенков. И хотя то, что я делаю, во многом укладывается в модель книги с таким же заголовком, я предпочел оставить заглавие данного проекта конкретным, а не абстрактным. Одна из основных тем на всем протяжении этого труда – значение слова «Бог» (или даже «бог» – см. ниже); я полагаю, что для ранних христиан, включая авторов Нового Завета, этот вопрос был куда более острым, чем обычно считают. Слово *theos* для грекоязычных (и его эквиваленты в других языках, звучавших в первом веке) было далеко не однозначным, и первым христианам пришлось тщательно обосновать определенное его понимание. Поэтому я не просто рассматриваю обобщенную идею богословия (т. е. того, что может сойти за богословское рассуждение на ту или иную тему), но останавливаюсь на богословии как таковом – на значении важного слова «бог». Как бы это странно ни звучало, но именно такого исследования и не хватает часто в богословии Нового Завета; я думаю, это упущение давно пора исправить.

Мне хотелось бы также объяснить некоторые особенности используемой мною терминологии – принести извинения или показать, что извиняться не за что. Во-первых, я обычно называю Иисуса Иисусом, а не Христом, как это делают многие богословы. Причина этого – не просто в нежелании задеть чувства моих друзей-иудеев и прочих сомневающихся в мессианстве Иисуса. Я поступаю так потому, что мессианство было под вопросом на протяжении всей евангельской истории, а задача историка – насколько возможно, смотреть на все глазами людей того времени. В частности, это будет служить напоминанием, что «Христос» – это титул с конкретным и весьма узким смыслом (рассуждения об этом будут

приведены в последующих томах). Само по себе это слово не было божественным титулом, а среди ранних христиан не сводилось и до имени собственного.¹

Во-вторых, я часто использую слово «бог» вместо «Бог». Это не опечатка и не преднамеренная непочтительность – на самом деле, скорее наоборот. То, как это слово употребляют в наше время – без артикля (в английском. – Прим. перев.) и с заглавной буквы, – мне кажется, может привести к печальным последствиям. При таком употреблении слова «Бог», которое превращает его из имени нарицательного в собственное имя Божества, создается впечатление, что все, кто использует это слово таким образом – монотеисты, и вдобавок, что все монотеисты верят в одного и того же бога. Неправомочность этих предположений, по-моему, очевидна. Вполне возможно, что некая таинственная благодать преобразует всякое поклонение всякому богу в поклонение богу единому, истинно существу. Такого мнения придерживаются некоторые из ученых-религиоведов. Однако это мнение чуждо множеству последователей основных монотеистических (иудаизма, христианства, ислама) и политеистических (индуизма, буддизма и родственных им) религий. Иудеи и христиане первого века уж точно так не считали. Они были уверены, что язычники поклоняются идолам или даже бесам. (Вопрос о том, какого мнения иудеи и христиане придерживались о верованиях друг друга, будет рассмотрен в пятой части настоящего тома.)

По этим причинам я считаю, что употреблять слово «Бог» здесь было бы неверно – это вводило бы читателя в заблуждение. Зачастую я предпочитал упоминать бога Израилева по его библейскому имени, Яхве (невзирая на споры об употреблении этого имени в иудаизме времен второго храма); или же во фразах, цель которых – напомнить нам, о чем или о ком мы говорим, упоминая о «творце», «боге завета» или «боге Израиля». Ранние христиане, говоря об этом боге, употребляли фразу «тот самый бог» (*ho theos*; в англ. «the god». – Прим. перев.), и это было далеко не бесспорным утверждением иудейско-монотеистической идеи на фоне политеизма. В мире многих солнц о каком-то солнце не станут говорить «то самое» (*the sun*). Более того, ранние христиане неоднократно считали необходимым пояснить эту фразу, упоминая об откровении этого бога в Иисусе из Назарета и через него (так часто поступал Павел). Поскольку одна из задач настоящего проекта – восстановить понимание значения и содержания слова «бог» и в конечном счете через призму Иисуса, Святого Духа и Нового Завета – слова «Бог», следовать словоупотреблению, заранее предполагающему определенный ответ, было бы необоснованно. Многие из взявших в руки эту книгу с твердым убеждением, что Иисус

¹ См. Wright 1991a, ch.3.

есть Бог, как и не меньшее число приступающих к чтению с твердой уверенностью в обратном, используют совсем не то значение слова «бог» или «Бог», которое употреблялось в Новом Завете. Христологический же вопрос об истинности утверждения: «Иисус есть Бог», и, если оно истинно, то в каком смысле, зачастую задают так, как будто «Бог» в нем – известная величина, а «Иисус» – неизвестная; я же убежден, что это явное заблуждение. Если уже на то пошло, то все совсем наоборот.¹

В-третьих, кому-то будет неприятно видеть обозначения «до Р. Х.» или «от Р. Х.» в датах, предшествовавших рождению Иисуса или следующих за ним, – в этом якобы проявляются христианские имперские замашки. Других же раздражает, когда христиане употребляют все более популярные нейтральные обозначения «до н. э.» и «н. э.», усматривая в этом либо бесхребетность, либо высокомерную снисходительность. В подобном же тоне проходят споры о том, следует ли называть еврейские Писания «Танах» или «Ветхий Завет», или, может быть, даже «Более Старый Завет» (на мой взгляд, последнее – наиболее высокомерное); или, может, уместнее было бы говорить «Первый Завет» и «Второй Завет». Самое странное, что эти споры протекают в широких ученых христианских кругах. Еврейским богословам все равно, как христиане называют даты и книги, – и мне тоже не хотелось бы об этом переживать. Боюсь, что все это – проявление распространенного недуга, состоящего в стремлении представить некий нейтральный, или объективный взгляд на вещи, как будто мы все – непредвзятые историки, бесстрастно взирающие на мир с олимпийских высот. Во второй части я покажу, что такая эпистемология неуместна, да и невозможна. Поэтому, осознавая невозможность всегда и всем угождать, я и впредь буду следовать привычному мне употреблению (от Р. Х., до Р. Х., Ветхий Завет или еврейские Писания) – без какого-либо оттенка шовинизма либо высокомерия – точно так же, как обходится без него обзор классического труда Шюрера, написанный группой историков с весьма различными взглядами под руководством профессора Гезы Вермеса.²

В-четвертых, мы сталкиваемся с наболевшим на сегодняшний день вопросом о роде существительного «Бог» или «боги». Но ведь никто не навязывает мусульманскому богослову определения бога, о котором он пишет, в женском роде; что и хорошо – иначе у мусульман не получалось бы писать богословские труды. То же самое до недавнего времени можно было сказать об иудеях – и о большинстве иудеев нашего времени. Никто не настаивает на том, чтобы индуистские божества изображались в неопределенном, андрогинном роде: некоторые из них – явно представители

¹ Я рад отметить, что я не первый, кто придерживается такого словоупотребления: см. Lane Fox 1986, 27; Hengel 1974, 266f.

² Schürer 1973-87. См. также: Goodman 1987.

мужского пола, другие, не менее явно, – женского. Да и языческим божествам древнего мира вряд ли польстило бы смешение родов в устах их поклонников. В историческом труде я считаю уместным изображать бога иудеев, богов греко-римского мира и бога ранней церкви так, как это было принято среди соответствующих групп.

И, в-пятых, мне придется постоянно как-то называть ту часть Ближнего Востока, где происходят события евангельской истории. Если я буду постоянно называть эту землю Палестиной, это может вызвать возражения моих еврейских друзей; если я буду говорить: «Израиль» – мои палестинские друзья могут усмотреть в этом пренебрежение (кстати, большинство христиан, проживающих в этом регионе – именно палестинского происхождения). Поэтому я не буду придерживаться какой-либо одной версии; хочу, однако, озвучить свое желание с осторожностью и уважением отнестись к чувствам всех, кого это касается, а также выразить благодарность за радушный прием и гостеприимство, оказанное мне всеми сторонами в Иерусалиме, где я работал над первыми тремя томами этого проекта в 1989 году.

Сейчас, пожалуй, пора сказать кое-что о содержании этого первого тома. По сути, эта книга должна подготовить почву: цель ее написания – позволить мне далее трудиться в исследованиях, посвященных Иисусу, Павлу и евангелиям, не избегая серьезного обсуждения фундаментальных вопросов, которые в противном случае пришлось бы значительно сокращать, чтобы втиснуть этот материал в первые главы каждого тома. Поэтому в большинстве других книг я пишу как увлеченный любитель, а не высококвалифицированный профессионал. Сам я специализируюсь на изучении Иисуса и Павла, и я подхожу к герменевтической и богословской теории, с одной стороны, и изучению иудаизма первого века, с другой, с энтузиазмом неспециалиста. Читатели, желающие истолкований, могут посчитать, что большая часть этого тома состоит из ненужной зауми; другие же, всю жизнь скрупулезно исследуя материал, который здесь собран воедино и рассмотрен вкратце, могут все равно счесть многие вопросы нерассмотренными (это в особенности касается второй части). Я посчитал необходимым затронуть и эти области, поскольку на данный момент в новозаветных исследованиях наблюдается такое многоголосие даже по поводу фундаментальных вопросов, что необходимо хотя бы вкратце их рассмотреть. Для более глубокого их исследования потребовалось бы написать еще не одну книгу.

Кроме всего прочего, это значит, что читатель, ищущий подробной истории рассмотрения вопроса, также будет разочарован. Если бы такой материал был включен в этот проект, весь труд стал бы в полтора раза объемнее. О нынешнем состоянии изучения Нового Завета я писал

и буду писать в других работах.¹ Однако в работе такого плана, как эта, приходится с особой тщательностью подбирать сторонников тех или иных точек зрения, рискуя оставить впечатление, что некоторые вопросы не были затронуты. Желая свериться с подробностями или с историей вопроса могут обратиться ко множеству других книг.² Выдвигая собственные теории и предположения, я тем самым, пусть и неявно, вступаю в диалог с куда большим числом авторов, чем упоминаю в сносках. Почти на каждой странице можно было бы удвоить, а то и утроить количество упомянутых второстепенных источников – но где-то же надо было остановиться. Как правило, я ссылаюсь на недавно опубликованные труды, а во многих из них приведены полные библиографии более ранних работ.

Нельзя не упомянуть здесь и о категории повествования, которое я использую все чаще. За последнее время повествование уже показало свою пользу в науке – не только в литературной критике, но и в столь разноплановых областях, как антропология, философия, психология, образование, этика и само богословие. Мне хорошо известно, что некоторые считают мое обращение к этой форме данью моде; несомненно, повествование стало отличительной чертой постмодернистской критики, которой свойственно отрицание антитрадиционализма и антиповествовательности Просвещения. Однако, используя эту категорию, я не хотел бы принимать весь постмодернизм в целом. Напротив: постмодернизм подчас использует повествование как средство рассуждения о понятиях, не входящих в пространственно-временную реальность, в то время как я стремился объединить его с эпистемологией критического реализма, изложенной во второй части, и использовать как инструмент истории и богословия, равно как и литературоведения.

Все это подводит нас к последнему предостережению. Я часто говорю своим студентам, что немалая доля сказанного мною, вероятно, неверна или по крайней мере некорректна, искажена каким-либо образом, чего я в тот момент не осознаю. Беда лишь в том, что я не знаю, какая именно часть неверна; если бы я знал, то мог бы что-то изменить. Здесь полезно такое сравнение: если я часто ошибаюсь в нравственных и практических вопросах, стоит ли ожидать, что мое мышление каким-то чудом избегает ошибок? Но если, обидев кого-то или свернув не на том перекрестке, я обычно довольно скоро сталкиваюсь с последствиями ошибки, то, излагая ошибочные взгляды в среде академического богословия, я вряд ли изменю свои взгляды, столкнувшись с возражением (здесь «я»,

---

¹ См. Neil and Wright 1988; также см. мою статью о поиске Иисуса в современном мире в готовящемся к выпуску словаре *Anchor Bible Dictionary*.

² См., напр., Epp and MacRae 1989 по материалу Нового Завета; Kraft and Nickelsburg 1986 о раннем иудаизме.

как в некоторых местах у Павла, употребляется и в обобщенном смысле). Все мы умеем выдерживать критические замечания, оставаясь при своих убеждениях; но поскольку я осознаю, что ошибки в моих работах практически неизбежны, то надеюсь, что сумею обратить должное внимание на комментарии тех (полагаю, многочисленных) читателей, которые укажут мне места, где мои утверждения или доказательства покажутся им недостаточно убедительными, доводы – слабыми, а выводы – безосновательными. Суть академического процесса как раз и состоит в серьезных спорах и дискуссиях, и я надеюсь – далеко не без трепета, – что этот проект послужит причиной не одной такой дискуссии.

Несколько организационных вопросов: во-первых, я использую приобретающий все большую популярность стиль библиографических ссылок, при котором в тексте упоминаются имя автора и дата, а полные реквизиты издания приведены в библиографическом списке (в случае, если публикация на языке оригинала или первое издание отстоят от самого последнего более чем на два или три года, я указываю это в квадратных скобках). Это позволит сократить объем сносок. Во-вторых, цитируя библейские и другие древние источники, я часто использую собственный перевод. Если я обращаюсь к другим переводам, то делаю это потому, что считаю их достаточно точными, а не вследствие последовательной приверженности одной определенной версии (хотя, если не указано иначе, я нередко обращаюсь к переводу *New Revised Standard Version*, заменяя *yhwh* на Господь). В-третьих, я преднамеренно свел до минимума цитаты из древних языков, и транслитерировал еврейские и греческие слова как можно более простым образом.

Остается лишь поблагодарить нескольких друзей, которые приняли участие в данном проекте, – кто-то читал отрывки рукописи, кто-то критиковал и вдохновлял, кто-то давал ценные предложения, и все в целом сделали возможным воплощение этого тяжеловесного проекта. Ценный вклад как читатели и критики отдельных частей внесли профессор Майкл Стоун и покойная Сара Камин из Еврейского университета; профессор Ричард Хейз из школы богословия Дьюк в Дареме, штат Северная Каролина; профессор Чарли Моул, ранее преподававший в Кембридже, и профессора Кристофер Роуланд, Роуэн Уильямс и Оливер О’Донован из Оксфорда. За время жизни и работы в Оксфорде дружба с последними была для меня одним из величайших благословений. Я особенно благодарен тем, кто позволил мне ознакомиться с их трудами до публикации: доктору Энтони Тисельтону из колледжа Св. Иоанна в Дареме, масштабный труд которого «Новые горизонты в герменевтике» я имел честь читать в рукописи. Далее, не могу не поблагодарить своих студентов – как аспирантов, так и студентов магистратуры, год за годом терпеливо

выслушивавших мои идеи и часто вносивших острые критические замечания. Хочу поблагодарить редакторов и работников издательств Эс-Пи-Си-Кей (SPCK) и Фортресс (Fortress), в особенности Филиппа Лоу, за энтузиазм и искреннюю заботу по отношению к этому проекту и за терпение, с которым они ждали – и ждут! – его завершения. Дэвид Макиндер, Эндрю Годдард и Тони Камминс вычитывали готовую рукопись и нашли десятки способов улучшить ее и сделать ее понятнее, за что я им искренне благодарен. Особенной благодарности заслуживают разработчики великолепной программы *Nota Bene*, которая выполняла все, чего я от нее хотел, и позволила мне сверстать книгу, не выходя из кабинета. Все ошибки, большие и малые, конечно же, не имеют никакого отношения к этим людям, – все они мои.

Среди тех, кто обеспечивал качественную секретарскую и редакторскую помощь на протяжении всех лет этого проекта – Джейн Каммингс, Элизабет Годдард, Люси Даффл и, в особенности на последнем этапе, Кэтлин Майлз, которая, работая с огромной массой материала, совершала чудеса организации и разъяснения, среди прочего составив и указатели. Здесь же я хочу поблагодарить и тех, кто создал фонд, позволивший мне, невзирая на скудость университетских средств в наше время, оплатить труд секретарей и редакторов. В этой связи особенно хочу упомянуть Пола Дженсона из г. Оранж (штат Калифорния) и Майкла Ллойда из Крайстс колледжа, Кембридж, которые обеспечивали весьма ценную поддержку (не только в этом вопросе), ободрение и практическую помощь.

Основной вариант первого и второго томов, как и первой половины третьего тома, был написан за время творческого отпуска, проведенного в Иерусалиме летом 1989 года. За это следует поблагодарить не только Вустерский колледж и Оксфордский университет, которые предоставили мне отпуск, и Леверхульмский Фонд за щедрую стипендию на путешествие, но также и тех, кто принял меня в Иерусалиме, а именно: профессора Дэвида Сатрана из Еврейского университета, который организовал для меня возможность преподавать в этом университете, и в особенности настоятеля собора Св. Георгия его высокопреподобие Хью Уайбру, который приютил меня, создав как домашнее, так и церковное окружение, наиболее приближенное к тому, что я мог бы назвать идеальными условиями для писателя. Я также искренне благодарен преподобному Майклу Ллойд, преподобному Эндрю Муру и доктору Сьюзан Гилингэм, разделившим между собой мою преподавательскую нагрузку на время моего отсутствия, а двум последним – еще и за чтение частей текста и комментарии, проникательность которых была проявлением коллегиальности наивысшего качества. Библиотекари Еврейского университета и Эколь Библик были весьма любезны; на родине же предпочтительным

и благоприятным местом для работы остается, несмотря на сокращение ее ресурсов, Бодлианская библиотека. Библиотеки факультетов востоковедения и богословия также принесли немало пользы.

Наибольшей же благодарности, как и всегда, заслуживает помощь моей дорогой супруги и детей, смирившихся с моим отъездом в Иерусалим, а также другими многочисленными поездками и связанными с работой нагрузками. Если суть герменевтики и, более того, самой истории неизбежно сводится к взаимодействию между читателем и свидетельствами – те, кто помог читателю быть самим собой и стать таким, каким он должен быть, достойны называться творцами-сопричастниками получившегося прочтения. Один из таких творцов-сопричастников, без которого во многом не было бы и самого проекта, и моего богословского и особенно герменевтического мышления, сформировавшегося за последнее десятилетие, – это доктор Брайан Уолш из Торонто. Он принял немалое участие в проекте, а летом 1991 года он провел полтора месяца, переосмысливая вместе со мной и перекраивая самые важные первые пять глав этого тома. В книге осталось немало недостатков – но в ответе за них лишь я; если же у нее есть достоинства, то некоторыми из них она обязана такому проявлению академического великодушия и дружбы, что и отражено в посвящении, – хотя это вряд ли может считаться достаточной наградой.

Н. Т. Райт

Вустерский колледж, Оксфорд

День Св. Петра

июнь 1992 г.